

В конце 1858 года редактор столичного «Художественного листка» академик живописи В.Ф. Тимм обратился к известным литераторам России с предложением прислать автобиографии для последующей публикации в своём издании.

Иван Александрович Гончаров после некоторых колебаний набросал на нескольких страницах, как он выразился, «кое-какие биографические сведения», оговорившись при этом: «Перехожу молчанием некоторые подробности детского и юношеского возраста, которые имею в виду употребить в дело в одном из своих будущих сочинений...». Вот почему рассказ автора шумевшего романа «Обыкновенная история» о своей школьной поре оказался архикратким: «Первоначальное образование в науках и языках, французском и немецком, получил в небольшом пансионе, который содержал в имении княгини Хованской, за Волгой, сельский священник, весьма умный и учёный человек, женатый на иностранке...».

Спустя десятилетие, написав биографию уже по просьбе редакции «Сборника исторических и статистических материалов о Симбирской губернии» 1868 года, романист внёс существенное добавление о своём учении в пансионе: «Здесь, у жены священника, принявшей православие (с именем Варвары Антоновны. — Ж.Т.), он (рассказ ведётся от третьего лица. — Ж.Т.), положил основание изучению французского и немецкого языков, а найденные в библиотеке священника сочинения Ломоносова, Державина и других, такие описания некоторых путешествий заронили в нём — первые охоту к чтению, а последние — желание... видеть описанные в путешествиях дальние страны». И, наконец, в третьей и последней автобиографии, датированной 1874 годом, Иван Александрович перечислил книги, прочитанные из библиотеки священника — «путешествия (Кука, Крашенинникова в Камчатку, Мунго-Парка в Африку и др.), исторические книги Милота, Карамзина, Голикова, поэтов Державина, потом Карамзина, Ломоносова, Жуковского, тут же и Нахимова, потом Фонвизина, Расина, Тассо, разрозненных Вольтера, Руссо».

Церковь в с. Архангельское.
Фото из семейного архива
Нины Жисариной

В заволжском пансионе

Глава из книги «Наши Гончаровы»

Разумеется, что священник Троицкий приучал Ваню Гончарова и других пансионеров к общепотребительным молитвам, рассказывал им эпизоды из библейской истории, водил в церковь на торжественные богослужения. Но он давал также уроки русского языка и словесности, арифметики, российской и всеобщей истории и географии. Занятия гимнастикой, игры на воздухе, прогулки по живописным окрестностям, наблюдения за флорой и фауной — всё это также имело место. Можно сказать, что в заволжском пансионе Ваня научился связно рассказывать о прочитанном, с выражением читать вслух стихи, бойко считать в уме, рисовать простые предметы, а главное, усвоил, как надо учиться.

В «Памятной книжке и адрес-календаре Симбирской губернии на 1902 год» в публикации «Из материалов для биографии И.А. Гончарова» указаны фамилии содержателей заволжского пансиона: «В имении Головкина был учитель по фамилии Троицкий, который женился на немке, гувернантке Головкиных, m-lle Лицман. Получив же священническое место, он открыл пансион». В этом сообщении, основанном на преданиях старожилов, достоверными окажутся лишь фамилии священника и его жены. А вот нашему гончароведу Михаилу Фёдоровичу Суперанскому, при содействии настоя-

теля симбирского Вознесенского собора Л.С. Марсальского, удалось получить выписку из клировых ведомостей с краткими биографическими сведениями о Фёдоре Степановиче Троицком. По окончании Казанской духовной академии, в 25-летнем возрасте, он был в 1817 году назначен вторым священником этого храма (в котором крестили Ванюшу Гончарова), расположенного на центральной улице Симбирска (на этом месте сейчас стоит памятник И.А. Гончарову). Осенью 1818 года Ф.С. Троицкий был переведён священником в заволжское село Репьёвку (Архангельское, Ботьма тож) Ставропольского уезда, в 20 верстах от Симбирска. С помощью старожилов М. Суперанский установил, что Ф. Троицкий ещё в Симбирске женился на немке Лицман, гувернантке, служившей у помещиков Филатовых, которая «приняла православие с именем Варвары Антоновны». В Заволжье чета Троицких перебралась с годовалой дочкой Сашей.

«В этом большом селе, — говорится в очерке М. Суперанского, — были расположены две усадьбы крупных помещиков, княгини Хованской и Наумова, обширные владения которых прилежали к Репьёвке. По сохранившемуся преданию, перевод Троицкого из губернского города в село состоялся вследствие ходатайства перед епархиальной властью

княгини Хованской, которая в лице образованного священника желала иметь наставника для своих детей».

Духовная консистория ценила Фёдора Степановича и несколько раз повышала по службе: в 1833 году он стал благочинным, а в следующем и протоиереем. Время от времени Троицкого как искусного проповедника архиерей выписывал на большие праздники в Симбирск для произнесения поучений в кафедральном соборе. Во время этих побывок в губернском центре проповедник навещался и к родным своего бывшего пансионера, ставшего известным писателем. «В доме Гончаровых, – вспоминал писатель Г.Н. Потанин, – я часто видал протоиерея Троицкого уже стариком, но и тогда он был красавец и щёголь. Одевался в бархат, имел приятный голос, живо и увлекательно говорил, а от братии – своей – попов – отличался особенно изящными манерами и умением держаться корректно».

М. Суперанский в очерке о Ф. Троицком отметил, что он «не ограничился преподаванием детям княгини Хованской, а устроил в своём доме пансион для детей окрестных помещиков», где преподаватели «домашние учителя Хованской и других богатых помещиков... Дом, где помещался этот пансион, – указывалось в очерке, – давно сгорел, причём погибла и библиотека, которою пользовался в детстве И.А. Гончаров. Дом этот стоял среди села, на церковной площади, окаймлённый старыми парками и помещичьими усадьбами. Из него открывался на запад вид на длинную сельскую улицу, оканчивающуюся полями Заволжья, за которыми синют горы симбирского берега Волги. С северной стороны подходят к селу разливы реки, которую так любил наш писатель, в широкую водную пелену которой он, ещё ребёнком, мечтательно вглядывался целыми часами...».

В очерке М. Суперанский сказал несколько слов и о княгине: «Жена камер-юнкера, княгиня Екатерина Петровна Хованская, дочь Петра Никифоровича (сподвижника Суворова) и сестра декабриста Василия Петровича Ивашевых». И хотя в этом очерке говорится, что дочь священника Троицкого станет женой помещика Павла Алексеевича Наумова, чья усадьба и земельные угодья

находились в селе Архангельском, гончароведы целое столетие уделяют внимание только семье сестры декабриста Ивашева.

Так, А. Рыбасов в книге «И.А. Гончаров», вышедшей в 1957 году в популярной молодогвардейской серии «ЖЗЛ», пишет: «Екатерина Петровна Хованская, дочь Ивашева, соратника Суворова, и сестра известного декабриста В.П. Ивашева, для воспитания своих детей пригласила молодого священника Ф.С. Троицкого, который и стал содержанием пансиона «для местных дворян» при её имении»...

В первом томе «Ульяновской-Симбирской энциклопедии», вышедшем в свет в 2000 году, В.И. Мельник, повторяя своих предшественников по гончароведению, пишет, что Иван Александрович «обучался в частном заволжском пансионе Ф.С. Троицкого, в имении кн. Е.П. Хованской (с. Архангельское-Репьевка)».

В действительности же в 1820 году, когда Ванюшу Гончарова привезли в пансион Ф.С. Троицкого, Екатерине Петровне Ивашевой было ещё только... 9 лет, и проживала она с отцом-генералом летом в родовом имении Ундоры, а – зимой в Симбирске. Следует также учесть, что после смерти в 1817 году князя С.Н. Хованского его жена покинула имение в Архангельском и Симбирск и переехала с дочками в Царское Село, где её сын Юрий будет обучаться до середины 1820-х годов. Так что Ванюша Гончаров во время двухгодичного пребывания в пансионе Троицкого даже в глаза не видел кого-либо из Хованских и мог только слышать о них как о владельцах красивого особняка, парка, сада, оранжереи, окрестных лесов и земель.

Если Хованские совершенно не нуждались в 1820-х годах в создании пансиона в заволжском имении, то он был крайне необходим их соседу по селу, дальнему родственнику, бывшему уездному предводителю дворянства Алексею Михайловичу Наумову, имевшему детей школьного возраста. Среди них, кстати, была дочь Наталья (будущая жена Александра Михайловича Языкова, брата известного поэта), а также пятерым племянникам – сыновьям секунд-майора Павла Михайловича Наумова.

А вот в середине 1830-х годов, когда у сестры декабриста В.П. Ивашева, Екатерины Петровны, и её мужа, князя Юрия Сергеевича Хованского, подросли свои дети, то родители их поместили в пансион Троицкого. После же смерти в Сибири Камиллы Ивашевой, а в 1840 году и её мужа-декабриста В.П. Ивашева, Е.П. Хованская взяла сирот-племянников к себе, и они тоже воспитывались в том же пансионе священника.

Во время пребывания Гончарова в родном крае в 1834–1835 годах фамилия Хованских была, как говорится, на слуху, а с Юрием Сергеевичем Хованским, чиновником по особым поручениям симбирского губернатора, писатель виделся неоднократно. Этим и можно объяснить, что романист в своих воспоминаниях об учёбе в пансионе священника назовёт владелицей имения сестру декабриста Хованскую.

В связи с образованием Волжского водохранилища село Архангельское оказалось под водой. Возможно, что кто-то из старожилов знаменитого села или поклонников таланта И.А. Гончарова запечатлел на фотоснимках виды села, бывших господских усадеб и окрестностей. Сознывая, что каждый из таких снимков или даже устные описания старожилов представляют неоценимое значение для познания темы «И.А. Гончаров и родной край», юные историки из клуба «Симбирский фотолетописец», работавшего при городской детской библиотеке № 25, под руководством Нины Николаевны Жигариной провели увлекательный поиск «Архангельской Атлантиды». Благодаря этим энтузиастам читатели получили возможность познакомиться с несколькими снимками села Архангельское, сделанными до его затопления.

Эти и другие снимки помогают представить Заволжье 1820-х годов, с «его простором степи, с помещичьими усадьбами, с парками, садами и прудами». Всё это, по справедливому замечанию М. Суперанского, наблюдал впечатлительный Ванюша Гончаров. Тогда ещё воспринял он и простор волжского разлива, и тишину степи, и самую интимную сущность старинной деревенской жизни.

Жорес Трофимов